

Начало войны. Эвакуация. Лёва Спивак-1963.

В предыдущей главе я упомянул, что перед началом войны, наш отец вторично женился, взяв г-жу Коган с двумя детьми, И нас было двое, я и моя сестра Хинка. Мы переехали на новую квартиру, более обустроенную по сравнению с нашей бывшей квартирой. Госпожа Коган, мы её звали – тётя, очень внимательно относилась к нам, также как и к своим детям. От первого мужа у неё была дочь Клара и славный мальчик Люська, красивый и очень смышлённый. Я был от него в восторге, часто с ним гулял во дворе и на улице.

Перед началом войны, в середине июня, все еврейские семьи в Каушанах узнали, что выслали в Сибирь всех “бывших” еврейских богачей. Среди них были и хозяева мануфактурного магазина Керцман и Опачевский в котором работал мой отец. Таким образом, то, что отец женился на госпоже Коган, которая была вдова одного из хозяев магазина, спасло её и её детей от высылки в Сибирь. Перед войной многие еврейские семьи покидали Каушаны и переезжали в Бендеры и даже в Кишинёв.

22 июня началась война. В Каушанах никаких военных объектов не было и поэтому немецкие самолёты не бомбили село, а пролетали над нами очень низко и мы, мальчики, видели улыбающихся военных лётчиков, летевших бомбить Тирасполь и Бендеры.

В эвакуацию

Скоро мы начали готовиться к эвакуации. Сельсовет выдал нам справки и в начале июля 1941 года, мы, две семьи, выехали на подводе запряженной волами в направлении Бендеры. Выехали мы вечером с таким расчётом, чтобы к утру оказаться в Бендерах. Ехали мы на обочине дороги, так как по шоссе двигались отступающие войска, кто на машинах, а кто и в пешем строю - все отступали за Днестр. К утру мы прибыли в Бендеры и вскоре перебрались через мост на Тирасполь. Проверка документов заняла считанные секунды. В Тирасполе мы остановились у дальних родственников госпожи Коган. В те дни немецкие самолёты бомбили город по три раза в день – пунктуально в 8 утра, 12 дня и 4 часа дня. Во время бомбёжек мы прятались в окопе, вырытом во дворе дома, где мы остановились. Папа ежедневно ходил на станцию и нам рассказывал, что многие еврейские семьи уезжают любым транспортом. О плановой эвакуации евреев никто и не говорил, таковой и не было. Прожив в Тирасполе 4 дня, мы собрали наш небольшой скарб, погрузили на подводу и доехали на железнодорожную станцию и к вечеру 20 июля все сели на открытую платформу, нагруженную рельсами и отправились дальше, в глубь страны. На следующий день, с многочисленными остановками прибыли в Одессу. Я с сестрой и другими детьми остались на платформе, а родители пошли в эвакуопункт искать хлеб и питьевую воду. Они возвратились через 4 часа, и у взрослых начался совет. Папа, тётя (мачеха) и старшие сёстры Хинка и Клара говорили о том, чтобы остаться в Одессе. Я был категорически против – сказал, что забираю Хинку и еду дальше. Видя мою настойчивость, родители согласились со мной и мы продолжили ехать на той же платформе. Выезд из Одессы был задержан в связи с первой бомбардировкой

города. Мы выехали в направлении на станцию Знаменку. На пути нас бомбили немецкие самолёты. Эшелон был чисто штатский, никаких военных не было, чтоб стрелять по самолётам, которые летели очень низко. У нас выработалась система: если поезд останавливался и рядом был лесок, мы туда все бежали. Если же поезд ускорял движение – мы просто лежали, накрывшись одеялами и другим скарбом. Проехали узловую станцию Знаменка, где на путях стояли 8-10 эшелонов с войсками. Нас выпустили со станции в последнюю очередь. Самая большая бомбёжка была как раз в Знаменке, и Слава Б-гу, мы все остались живы.

Описывая эти события необходимо отметить, что война сделала взрослыми всех детей. Мне в ту пору было 13 лет и я был главный добытчик пропитания, когда мы ехали поездами. Нередко при подъезде к железнодорожной станции я соскакивал на полном ходу, бежал на станцию, где в буфетах ещё иногда продавался хлеб, колбаса и другие продукты. Главная моя забота была обеспечить хлебом маленького Люсика, ибо когда он был голоден он плакал и становился вне себя, так, что жалко на него было смотреть. На платформе с рельсами, мы доехали до станции Ясиноватая и нас высадили под предлогом, что эшелон дальше не пойдёт. Мы попали в колхоз в 8-10 км от станции. Я с сестрой работала в огороднической бригаде на сборе огурцов. Руки наши кровоточили, но мы держались. Нужно отметить, что хозяева, где нас поместили, относились к нам не плохо. Они часто угощали нас украинскими варениками. Антисемитских высказываний от украинцев мы не слышали.

Ежедневно мы совершали походы на станцию, и видели, что с каждым днём всё больше эшелонов следует в направлении на Ростов и Сталинград. Приближался фронт и в тех местах слышна была кононада. Вновь мы собрали наш небогатый скарб и на волах поехали на станцию. К вечеру, в середине августа, мы сели в поезд, нагруженный железом и начался следующий этап нашей эвакуации на восток. Не доезжая станции Елшанка, близ Сталинграда, милиционеры, а их было около 20 человек, обходили все вагоны нашего состава и забирали мужчин, которые по их мнению могли служить в действующей или трудовой армии. Забрали и нашего отца вместе с другими. Поезд прибыл в Сталинград, мы все сошли и расположились в эвакуопункте, который был на стадионе около станции. Время было послеобеденное и я, захватив немного хлеба, пошёл искать отца в незнакомом городе. Распросив нескольких милиционеров о месте нахождения призывников, я к вечеру, во дворе милицейского участка нашёл отца. Всех этих призывников было человек двадцать и так как их забрали без вещей и продуктов, то они стали возмущаться. Да и мы и несколько других жён нашли своих мужей тоже просили их отпустить. В итоге, к вечеру, какой-то капитан милиции раздал всем призывникам повестки и велел в 10 часов следующего дня прийти с вещьмешками, с котелком, чашкой и продуктами и все будут отправлены в военные части. Из двадцати человек, получивших повестки, на следующий день пришли двое, в том числе и мой отец. Милиционеры поняли, что люди оставили паспорта и военные билеты и не придут для отправки на военные части... и к нашему счастью дежурный офицер выдал отцу паспорт и военный билет и мы все продолжили путь.

На стадионе – эвакуопункте собралось более 10 тысяч человек. Мы поняли, что с железнодорожной станции мы скоро не уедем. Мы наняли подводу и перебрались на морской вокзал. В этот же вечер подали на погрузку баржу “Аджария”. Мы заплатили хорошо матросам и они нас перевели на баржу по

бревну, чуть шире 30 см. Как мы не упали в воду – Б-г его знает. С мальчиком Люськой на руках, с большой осторожностью, двигалась наша тётя Коган. Когда, наконец, баржа отошла от пристани нам стало легче. Всю ночь мы плыли по Волге, На следующее утро пристали к Владимировке, где нам велено было выгрузиться. Здесь творилось невообразимое: собралось тысячи людей и лишь изредка подавались вагоны – но какие - “Ледники”... Мы сначала не хотели грузиться в них, но видя, что наши хлебные запасы на исходе, сели в такой вагон. Чтобы к нам добраться, нужно было три перегородки перелесть. Началась самая страшная поездка по Калмыкии. Казахское население на станциях всё хотели менять на чай, но у нас его не было. Каким-то образом удавалось менять что-то на сырую картошку, морковь, то есть на всё что можно было кушать. Эшелон стоял на остановках по 5-6 часов. Наступали холодные дни и самое страшное - не было еды. Наконец, мы доехали до Актюбинска. Я выскочил на станции и сходу купил 4 буханки хлеба. Запихнул их за рубашку и старенький пиджак и всё же у меня впереди лежащие в вагоне забрали пару буханок. Я кричал, чтоб тётя показала мальчика – кому я хлеб несу, но безрезультатно. Я донёс две буханки и нам хватило на несколько дней. Из Актюбинска наш эшелон двинулся в сторону Ташкента, куда мы доехали через пару суток. Вместо того, чтоб остаться в городе и попытаться устроиться, мои родители решили переехать в Ленинский район Андижанской области. Туда нас довёз рабочий поезд, который совершенно не был оборудован для пассажиров – окна были разбиты и ветер сквозил. Наш милый Люсик заболел, его просквозило и он схватил воспаление лёгких и вскоре скончался в районной больнице.

В Андижанской области

Разместились мы в колхозе имени Ахунбабаева, по 10-12 человек в кибитке. Было уже холодно, топить было нечем. Председатель колхоза послал нас на уборку хлопка. Продукты питания колхоз нам практически не давал. Цены были просто ужасные. К зиме 41 года 1 кг муки стоил 100 рублей. Мой отец покупал отрезы на базаре у польских евреев, которые просили смехотворные деньги, чтобы дальше их перепродавать. Питались мы 1 раз в день. Было холодно и мы, то есть я, отец и некоторые наши соседи ходили воровать “запая” – это отходы после урожая хлопка. Один раз узбеки остановили нас, выхватили свои ножи и угрожали с нами расправиться. Только хорошая физическая сила Гарштейна нас спасла. Узбеков хорошо проучили и нас больше они не беспокоили. Вообще узбеки с которыми мы жили рядом были довольно гостепреимные люди – угощали нас иногда чаем с лепёшками. Дальше созрела шелковица и мы стали варить её. Надо отметить, что в это время мы жили в ужасной тесноте. Нас также начали вши заедать. Кроме всего я и моя сестра Хинка заболели малярией. Это ужасная болезнь, которая изматывает организм. Сначала тебе холодно, потом тебя просто трясёт, а дальше становится жарко. Летом мы спали на улице, скорпионы покусали нас, а лечили нас выжиганием кожи. К лету 1942 года моя сводная сестра Клара привезла своего жениха Сёму Либун. Он был рыжий, в очках и хорошо играл на скрипке. По дороге его тоже просквозило и возле уха образовался страшный нарыв. Тётя его вылечила и постепенно этот парень стал играть узбекские мелодии, так что местные стали приходить к нам, приносили немного еды и слушали Сёмину игру. Иногда он им играл классические вещи, но чаще подыгрывал на узбекские мотивы.

В начале 1942 год мы связались по почте с папиным отцом (Шлойме Спивак) и его сестрой (Бетей Ройтштейн(Спивак)), которые жили в Казахстане. Они нам выслали вызов для поездки в Казахстан. Летом 1942 года мы покинули Узбекистан и двинулись в Казахстан, в город Джезгазган.

В Джезгазгане

По приезде в Джезгазган мой отец устроился работать, но вскоре его забрали в трудовую армию. Он служил в городе Акмолинске. У меня и у Хинки приступы малярии повторились. Я помню даже у Хинки была температура 41.2. Все просто не знали что делать. И вдруг малярийные приступы исчезли – нас больше не трусило с Нинкой и мы начали искать работу. Нинка устроилась на почте. Осенью 42 года я пошёл в школу в 7-ой класс, а вечером, т.е. с четырёх часов и до 12 ночи, работал токарем на военном механическом заводе, для того, чтобы получить хлебную карточку рабочего – 1 кг хлеба в день. На этом военном заводе работали в, основном, заключённые. Я начал учиться токарному делу у такого заключённого по имени Алексей. Он был чуть старше среднего возраста, образованный, начитанный и неунывающий. Моя смена была с 4 часов дня до полуночи. Я приносил с собой маленький кусочек хлеба и луковку. Алексей видел, ничего не просил у меня, но однажды сказал, чтобы я, по возможности, принёс ему махорку. Я покупал на базаре стакан махорки за 25 рублей и приносил ему одну спичечную коробочку в смену. Так я проработал токарем, пока папа не вернулся с трудовой армии.

За хлебом и другими продуктами по карточкам были громадные очереди. Приходилось тёте занимать очередь с раннего утра, да она ещё и работала комендантшей в общежитии. В середине 1943 года возвратился отец с трудовой армии и устроился бухгалтером в загот-зерно. Я закончил 7-ми летнюю школу и перешёл работать монтером на радиоузел. Жизнь наша стала немного налаживаться, продуктов было больше, так как папе на работе выписывали пайки.

Главная достопримечательность - лагерь

Несколько слов о Джезгазгане - городе, где мы жили. Рядом с нами был посёлок Кенгир с поселковым советом, медицинскими учреждениями, а также близко железнодорожной станцией. Главной же достопримечательностью города была огромная зона заключённых и военный городок “вохра” – военной охраны. В клубе “вохра” мы смотрели кинофильмы, иногда пьесы, профессионально поставленные, где действующими лицами были заключённые. Живя рядом с этой тюрьмой мы и не знали, что заключённые Кенгарского лагеря подняли восстание и что оно было жестоко подавлено работниками НКВД. Я работал на радиоузле и у меня был пропуск в зону. Начальником лагеря был подполковник Калинин и он иногда звонил мне на радиоузел. Помню, летом 1944 он позвонил и попросил установить громкоговоритель на железнодорожной станции. Я был удивлён, но выполнил приказ. Оказавшись на станции я был свидетелем как прибыл железнодорожный состав из ста вагонов из Чечни. В считанные минуты людей вытолкнули из вагонов, построили в колонны и отправили в лагерь Кенгир, где им уже приготовили бараки, в которых раньше жили заключённые. С первых же дней пребывания в Казахстане чеченцы умирали десятками в день. Климат в той местности резко континентальный, летом жарко, зимой очень холодно.

В лагерь также стали прибывать немецкие военнопленные. Немцы работали на медных рудниках недалеко от Джебгазгана. В 1945 году меня опять вызвали устанавливать громкоговорители на станции. В зоне к тому времени никого не было. На мой вопрос, где люди, ответили, что зона ждёт новых посетителей. На этот раз поезд пришёл с японскими военнопленными. Они установили очень быстро палатки около состава. Была подана команда выложить все свои вещи. Каждый японец имел шикарный вещмешок из кожи и внутри, чего только там не было: от уколов, до спецпитания. Мне от этого достался бритвенный набор и чудесный ножик...

Дедушка и бабушка Шлойма и Шейва Спивак

С нами по соседству жили мой дедушка Шлойма Спивак и бабушка Шейва, тётя Бетя с дочкой Фаней. Дядя Литман – муж тётя Бети был в 1942 году ранен под Москвой и пролежал в госпитале более полугода. Летом 1943 года мы его встречали в Джебгазгане. Он вышел на двух костылях и за спиной - огромный рюкзак, и в руках держал по вещьмешку полными хлеба и других продуктов. Радости нашей было не описать. Идти к нам нужно было от вокзала 2 километра. Представьте себе, как мы все эти рюкзаки несли...

Не знаю и не помню как это точно случилось, но когда вечером тётя Бетя с дядей Литманом зашли ненадолго к нам, оставили деда и бабу одних – к тому времени была сварена большая кастрюля каши. И когда возвратились домой увидели, что очень голодные дед и баба всю кастрюлю каши съели... Утром у них обоих был заворот кишок. Первый скончался дедушка, а через 8 часов и баба. Мы похоронили их в одной могиле в далёком Джебгазгане, Казахстане. Дед был физически очень крепкий человек, но голод его сломил. Молился он каждый день и в эвакуации тоже и скончался нелепо - ещё не совсем старым человеком.

Скоро домой

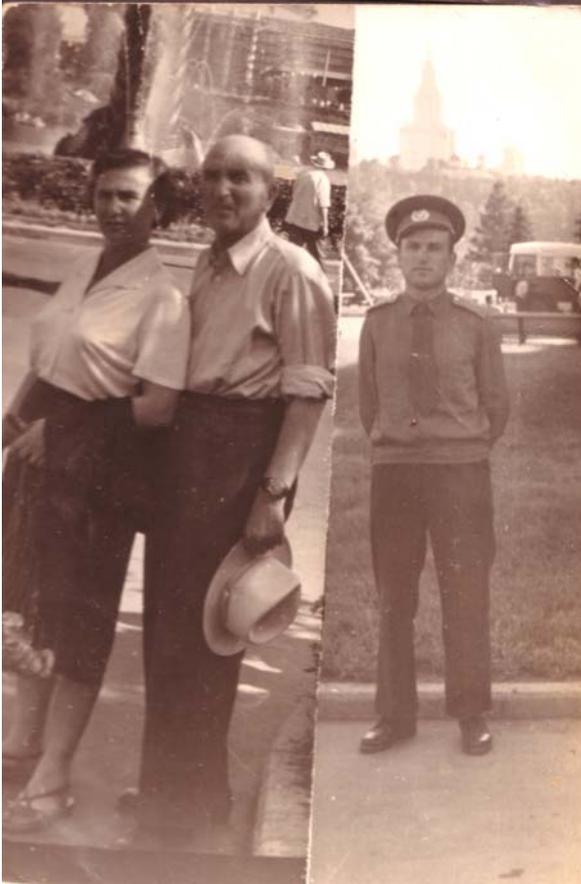
В начале 1945 года многие люди стали поговаривать о возвращении на Родину. Двинулись многие с Украины. Мы же домой, в Молдавию, двинулись только в сентябре 1945 г.

Из памяти выскочила вся наша обратная поездка в Молдавию. Помню, что тоже ехали в теплушке. В конце сентября 1945 оказались в Кишинёве, где мы нашли временный приют у родственников, а затем мои родители перебрались сначала в Тирасполь, а в конце 46 года в город Измаил, Одесской области.

Немного о Кишинёве послевоенном. Я жил месяца три у Бориса Спивака, учился на курсах бухгалтеров. Занятия были с 6 до 11 вечера. Днём я искал топливо, чтобы было на чём сварить обед, также помогал тётя Естер с Ханюсей. После курсов меня направили в Каушаны счетоводом Яйце-Птице-прома. Остановился у дяди Берла Спивака, который очень болел в то время и жил с дочерью Сойбел Спивак. Затем я устроился в пекарне и их подкармливал. Но я заболел воспалением лёгких и был вынужден уехать в Кишинёв... Больше о Берле и Сойбел я ничего не слышал.

Лёва Спивак – 1963

Летом 1963 года Хинка узнала, что у папы рак лёгких. Я в это время служил на далёком севере в посёлке Печенга Мурманской области в звании старшего

лейтенанта. Хинка добилаь разрешения привести отца к специалисту в Москву, и мне дали телеграмму. Меня вызвал командир, побеседовал со мной и отпустил по семейным обстоятельствам. Прилетев по брони командира из Мурманска, я встретил папу и Хинку уже в больнице. Первый приём к профессору был неудачный – они рассматривали только старые рентгеновские снимки. Хинка и папа остановились у нянечки из этой больницы. Папе сделали рентген, а результат должен был быть готов только на второй день, у нас остался почти целый свободный день. Папа и Хинка были впервые в Москве, а я уже бывал там проездом. Мы взяли такси и поехали на сельхоз выставку, на ВДНХ. Походили почти час по разным павильонам, увидели что папа устал и чувствовал он себя неважно. Зашли в ресторан «Колос» пообедать. Это был огромный ресторан с многочисленными залами. Нас почему-то долго не

обслуживали и мы просто сидели и отдыхали. Напротив нашего стола сидели двое с медалями героев труда, оба были широкоплечие и с бородами. Вдруг открывается дверь ресторана и с шумом и гамом врывается молодая китайская делегация. Не знаю, что

случилось до этого, или что эти студенты не поделили с героями

Москва, 1963

труда..., но один из этих героев подхватил двух китайцев за шиворот,

подеежал немного в воздухе и отбросил их как футбольных мячи – точно как Котовский разбрасывал полицейских в известной кинокартине... Папа, Хинка и я были страшно удивлены... в зале была абсолютная тишина и только был слышен звон разбитых фужеров. Мы же отлично поели и неплохо провели время.

На следующий день состоялся приём у специалиста онколога, заместителя Блохина. Сначала зашёл папа. Осмотр продолжался недолго, после открылась дверь и, видимо, потому, что я был в военной форме, меня пригласили. Сказали, что у папы рак лёгких, операции он не подлежит, так как сердце слабое. Они могут направить папу в радиологическое отделение для прохождения лечения, но такое лечение есть и в Кишинёве и в Измаиле. Прописав папе ещё химические уколы, Хинка и я решили папу не оставлять в Москве. После обеда мы забрали вещи и поехали на Киевский вокзал в надежде на билеты. Моя военная форма и тут помогла – мне удалось взять папе и Хинке билеты до Кишинёва. Стою у окна вагона и чувствую, что вижу отца в последний раз... Было около часа ночи, поезд давно ушёл, а я всё стоял... Решил поехать туда, где Хинка с папой останавливались. По

дороге где-то купил две бутылки крымского вина. Хозяйка мне открыла, хотя очень удивилась... Мы молча сели на кухне и выпили с ней всё это вино и я моментально заснул.

Когда мой папа – Спивак Лев Шлёмович скончался, я лежал в неврологическом отделении Мурманского госпиталя. При большом желании поехать на похороны, возможности никакой не было – шёл снег несколько дней и Мурманск был полностью отрезан...

Да будет земля отцу пухом.

31 марта 2004 года – 40 лет со дня смерти отца и твоего деда

Исаак (Изя) Спивак, Сизтл, штат Вашингтон
Сентябрь 2003, 31 марта 2004

Дополнено
Январь 2005, февраль 2006

Copyright © 2008, Yefim Kogan